

В клубе «Только стихия, только поэзия»

8 мая 2013 года.

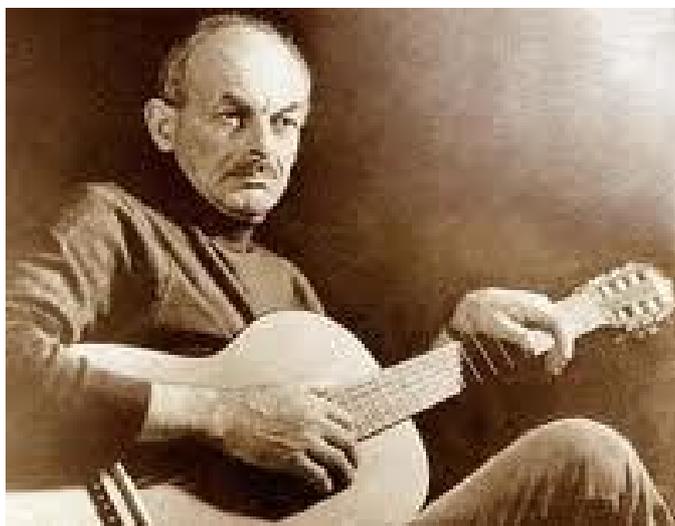
Собрались в 411-ый раз!!!

Отмечали День Победы. Было что вспомнить и рассказать...

Виктор Мирочник напомнил, что Булат Окуджава, пошедший добровольцем на фронт, родился 9 мая – в День Победы.

* * *

Я живу в ожидании краха,
унижений и новых утрат.
Я, рожденный в империи страха,
даже празднествам светлым не рад.
Все кончается на полуслове
раз, наверно, по сорок на дню.
Я, рожденный в империи крови,
и своей-то уже не ценю.

* * *

Часики бьют так задумчиво,
медленно, не торопясь.
И в ожидании лучшего
жилка на лбу напряглась.
Но понимаю, естественно,
счастья желая себе,
сложится все соответственно
вере, слезам и судьбе.

* * *

Дойдя до края озверения,
в минутной вспышке озарения,
последний шанс у населения —
спастись путем переселения

* * *

Поверь мне, Агнешка, грядут перемены...
Так я написал тебе в прежние дни.
Я знал и тогда, что они неприменны,
лишь ручку свою ты до них дотяни.
А если не так, для чего ж мы сгораем?
Так, значит, свершится все то, что хотим?..

Да, все совершится, чего мы желаем,
оно совершится, да мы улетим.

Ефим Ротенштейн тоже прочёл стихи Булата
Окуджавы

Виктор Мирочник прочёл стихи Слуцкого Бориса
Абрамовича, чей день рождения 7 мая.

ХОЗЯИН

А мой хозяин не любил меня.

Не знал меня, не слышал и не видел,

но все-таки боялся как огня
и сумрачно, угрюмо ненавидел.
Когда пред ним я голову склонял -
ему казалось, я улыбку прячу.
Когда меня он плакать заставлял -
ему казалось, я притворно плачу.
А я всю жизнь работал на него,
ложился поздно, поднимался рано,
любил его и за него был ранен.
Но мне не помогало ничего.
А я всю жизнь возил его портрет,
в землянке вешал и в палатке вешал,
смотрел, смотрел, не уставал смотреть.
И с каждым годом мне все реже, реже
обидною казалась нелюбовь.
И ныне настроенья мне не губит
тот явный факт, что испокон веков
таких, как я, хозяева не любят.

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
дело в мировом законе.
Значит, что-то не раскрыли
мы, что следовало нам бы!
Значит, слабенькие крылья -
наши сладенькие ямбы,
и в пегасовом полете
не взлетают наши кони...
То-то физики в почете,
то-то лирики в загоне.
Это самоочевидно.
Спорить просто бесполезно.
Так что даже не обидно,
а скорее интересно
наблюдать, как, словно пена,
оппадают наши рифмы
и величие степенно
отступает в логарифмы.
1959

ПРО ЕВРЕЕВ

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,

Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.
Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.
Я все это слышал с детства,
Скоро совсем постарею,
Но все никуда не деться
От крика: «Евреи, евреи!»
Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.
Пуля меня миновала,
Чтоб говорили нелживо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!»

* * *

У Абрама, Исака и Якова
сохранилось немного от
Авраама, Исаака, Иакова —
почитаемых всюду господ.
Уважают везде Авраама —
прародителя и мудреца,
обижают повсюду Абрама,
как вредителя и подлеца.
В день, когда боролся Иаков
с богом, и победил его бог,
стал он Яковом, и этот Яков
под любым законом убог.
1953

* * *

Всем лозунгам я верил до конца
И молчаливо следовал за ними,
Как шли в огонь во Сына, во Отца,
Во голубя Святого Духа имя.
И если в прах рассыпалась скала,
И бездна разверзается, немая,
И ежели ошибочка была -
Вину и на себя я принимаю.

Виктор Мирочник прочёл стихи Николая Заболоцкого, чей день рождения 7 мая.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Где древней музыки фигуры,
Где с мертвым бой клавиатуры,
Где битва нот с безмолвием пространства -
Там не ищи, поэт, душе своей убранства.
Соединив безумие с умом,
Среди пустынных смыслов мы построим дом -
Училище миров, неведомых доселе.
Поэзия есть мысль, устроенная в теле.
Она течет, незримая, в воде -
Мы воду воспоем усердными трудами.
Она горит в полуденной звезде -
Звезда, как полымя, бушует перед нами.
Тревожный сон коров и беглый разум птиц
Пусть смотрят из твоих диковинных страниц.
Деревья пусть поют и страшным разговором
Пугает бык людей, тот самый бык, в котором
Заключено безмолвие миров,
Соединенных с нами крепкой связью.
Побит камнями и закидан грязью,
Будь терпелив. И помни каждый миг:
Коль музыки коснешься чутким ухом,
Разрушится твой дом и, ревностный к наукам.
Над нами посмеется ученик.

ПРИЗНАНИЕ

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!
Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумашедшая.
Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.
Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.
Что прибавится - не убавится,
Что не сбудется - позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

ГРОЗА ИДЕТ

Двигается нахмуренная туча,
Обложив полнеба вдалеке,
Двигается, огромна и тягуча,
С фонарем в приподнятой руке.
Сколько раз она меня ловила,
Сколько раз, сверкая серебром,
Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром!
Сколько раз, ее увидев в поле,
Замедлял я робкие шаги
И стоял, сливаясь поневоле
С белым блеском вольтовой дуги!
Вот он - кедр у нашего балкона.
Надвое громами расщеплен,
Он стоит, и мертвая корона
Подпирает темный небосклон.
Сквозь живое сердце древесины
Пролегает рана от огня,
Иглы почерневшие с вершины
Осыпают звездами меня.
Пой мне песню, дерево печали!
Я, как ты, ворвался в высоту,
Но меня лишь молнии встречали
И огнем сжигали на лету.

Почему же, надвое расколот,
Я, как ты, не умер у крыльца,
И в душе все тот же лютый голод,
И любовь, и песни до конца!

ПОРТРЕТ

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.
Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?
Ее глаза - как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза - как два обмана,
Покрытых мглою неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.
Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

ВСЕ, ЧТО БЫЛО В ДУШЕ

Все, что было в душе, все как будто опять
потерялось,
И лежал я в траве, и печалью и скукой томим.
И прекрасное тело цветка надо мной поднималось,
И кузнечик, как маленький сторож, стоял перед ним.
И тогда я открыл свою книгу в большом переплете,
Где на первой странице растения виден чертеж.
И черна и мертва, протянулась от книги к природе
То ли правда цветка, то ли в нем заключенная ложь.
И цветок с удивленьем смотрел на свое отраженье
И как будто пытался чужую премудрость понять.
Трепетело в листах непривычное мысли движенье,
То усилие воли, которое не передать.
И кузнечик трубу свою поднял, и природа внезапно
проснулась.
И запела печальная тварь славословье уму,
И подобье цветка в старой книги моей шевельнулось
Так, что сердце мое шевельнулось навстречу ему.

Любовь Снитко прочитала стихи Бориса
Брусиловского

И обращаюсь я в ООН:
«Вниманье, господа! Подсказка!
Есть символ мира всех времён:
Солдат и детская коляска.»

День Победы

Сегодня праздник века – День Победы
Который дымным порохом пропах,
Который шёл к нам через смерть и беды,
Который со слезами на глазах.
Нетания. Площадь. В орденах солдаты.
С кровавых к нам пришедшие полей,
Успевшие дожить до светлой даты,
Не превратившись в белых жкравлей.
Солдаты, офицеры, генералы
Идут в строю, наградами звеня,
И вижу: вот он промежуток малый.
Нашлось в колонне место для меня.
Идёт колонна, будто на параде.
Навстречу молодёжь и старики.
Читаю равнодушие во взгляде
Лишь где-то рядом жидкие хлопки.
Неужто непонятно? Канонада

На той войне за тридевять земель,
Под Курском и в окопах Сталинграда
Судьбу решала Эрец Исраэль.
Скажите! Неужели мир спасённый,
Счастливый, жизнерадостный, живой
Не вспомнит о Серёжке с Малой Бронной
И не всклабкнёт о Витьке с Моховой?
Я верю: на земле, от войн свободной,
Наш праздник, тот, что порохом пропах,
Войдёт в сердца и станет всенародным.
Бксмертным. Со слезами на глазах.

Мария Фрейдзон прочла «Про нашу семью» и стихи.

Про нашу семью

Я, Фрейдзон Мария Ефимовна, родилась в городе Витебске.

Когда началась война в 1941 г. мне было 5 лет. Наша семья была многодетная. У нашей мамы было 9 детей. Из них шесть дочерей и три брата. Один брат пропал без вести. Отец Фрейдзон Ефим Лейбович, мать Геня Абрамовна Фрейдзон.

Когда началась война, то самой старшей сестре было 16 лет, а старшему брату 18 лет, а самой меньшей 8 месяцев. Помню, что через несколько дней войны, Витебск начали обстреливать, нам всем пришлось жить и ночевать в подвале в большом страхе, так мы там находились почти две недели, потом поднялась большая паника и все люди начали бежать из

города. Побежали и мы с родителями. Куда глаза глядят, без вещей и продуктов питания, держась за подол матери. Отец по дороге, у людей просил милостыню, для того, чтобы хоть немного покормить детей. Не помню сколько месяцев мы шли и бежали по дороге, нам встречались на пути много разбитых товарных и пассажирских поездов, очень много трупов людей. Когда нас обстреливали самолёты, мы прятались в кусты, а когда перестали обстреливать, то мы дальше, то бежали, то шли, так мы добрались до какой-то из станиц, а там стоял товарный эшелон, в котором находились люди. Мы тоже влезли в этот эшелон, который нас и привёз в город Саратов, а из Саратова поехали в город Вольск (Саратовская область), где мы жили до окончания войны. После окончания войны мы вернулись к себе на Родину – в город Волыnsk.

Жаркий день, Каньон Бат-Ям,
Сквер в весеннем цвете.
Встретиться желаю я
С человеком этим.
Вот и встретились, сказал
И пошли дебаты
Об отце, как воевал,
Как ушёл в солдаты
Как в бою фашистов бил,
Всё тогда бывало,
Как в плену у немцев был,
Выжил как едва ли.
Вспомнили ещё одно!
То, что для фашистов
Быть евреем всё равно,
Что и коммунистом.